

Доктор Аграновский играет в клубе «Алабама», который приходится искать в длинной череде проходных дворов. Дорогу пересекают редкие вечерние прохожие и спешащие по своим делам кошки. Вот наконец и клуб, эта цитадель русского ритм-энд-блюза: несколько ступенек вниз, подвальчик со стойкой, темноватый зал. Доктор сидит в углу, на маленькой черной сцене, склонив взлохмаченную голову над гитарой, закрывает глаза, улыбается странной улыбкой и поет тоскливый блюз Nobody Knows the Way...

Это покажется неправдоподобным, но это так: в сыне знаменитого советского журналиста, в ученом-вирусологе, в жителе дома на улице Цюрупы, стоит ему взять в руки гитару — просыпается негр. В голосе этого мягкого, интеллигентного человека, когда он поет, сгущается темнота и сквозит наглость. Подвывает губная гармошка. Улыбка у Доктора, когда он поет, какая-то нездешняя — улыбка черного пота, хлопковых полей и ста граммов виски, которые он, возможно, принял перед тем, как сесть с гитарой к микрофону

Из личного архива АГРАНОВСКОГО

разговариваю, без всяких угроз. Просто глядишь в глаза и говоришь: «Мы договаривались, будьте любезны...». Полгода один человек не отдавал деньги за частную вечернику, вел себя по-хамски. Все с него получили, не угрожая ему, а вызывая. И такая есть сторона у блюза».

В том, как Доктор Аграновский поет блюзы, есть что-то удивительное. В голосе его то появляется хрипота пересохших связок, то резкий, агрессивный акцент выходя из трущоб. Удивительна точность этой музыки, в глубине которой сладострастно подвывает гитара — такую точность невозможно симитировать, таким точным можно быть, только если находишься внутри блюза, только если ощутишь его движение так, как ощущаешь собственную жизнь. Этот человек, с длинным, в улыбке чуть ли не до ушей разрезжающимся ртом, в свои пятьдесят называющий себя «московским мальчишкой», — он белый негр, белая ворона...

Его тянет прочь от музыки, которая уже заиграет до хруста и которую играют все кому не лень — от блюзменов до роке-ров. Он любит откопать редкий блюз, извлечь его из небьтия, сдуть с него пыль и спеть, покачиваясь и улыбаясь счастливой пьяной улыбкой, в каком-нибудь московском клубе. «Есть такой блюз, например, я его нашел на кассете заброшенной, и, по счастью, она была подписана. Назывался он «WPA-блюз». Я проверил по энциклопедии что такое WPA — Work. Progress Administration. Во время депрессии эта организация устраивала безработных дороги мостить. Очаровательная вещь довоенных времен о том, что все настолько хреново, что даже и нормально, потому что минус на минус дает плюс. За квартиру платить нечем, но все равно WPA придет и этот дом снесет, и сволочь домовладелец ничего не получит. А мне уже пора искать себе новое жилье и новую работу.. Это такой занудный, старый и современный блюз».

Доктор Аграновский, московский блюзмен, носит не шляпу, а черную бейсболку, из-под которой выбиваются длинные беспорядочные пряди, кое-где пронизанные седой. Он высок и строен, сидит в серой футболке и черных джинсах — облик вечного мальчика, до сих пор с наслаждением вспоминающего квартирные сейшена далеких восьмидесятых, на которых он уже тогда был негром и тягучим и налым голосом пел блюзы.

За те годы, что он разыскивает и поет эти архаичные, крутые блюзы, он понял о них что-то очень важное. Однажды он поехал на концерт в клуб, а его квартира сгорела. «Алабама», где он два года пел каждую пятницу, разорилась, пока готовился этот текст. «То понос, то золотуха, то пироги сгорели», — объясняет он. В конце нашей беседы достает из тумбочки циклопических размеров бутылку водки и глещет себе в граненый стакан. «Жанр такой».

«Вот спросите меня, какая у меня мечта, и я вам отвечу, — говорит Доктор Аграновский. — Я хочу выйти на пенсию и играть раз в неделю в одном и том же клубе. Чтобы за мной присылали машину, чтобы мне там наливали виски и потом отвозили домой. А я буду в таком вот пиджаке и шляпе приходить туда, выходить на сцену, не снимая шляпы, играть час и получать сто долларов за выход. А больше мне ничего не нужно».

Алексей ПОЛИКОВСКИЙ

ДОКТОР БЛЮЗ

В свободное от науки время Алексей Аграновский перевоплощается в негра из «Алабамы»

В мире московского блюза его знают как Доктора Аграновского — имеется в виду доктор блюза, эдакий блюзовый док с гитарой в руках, — хотя на самом деле он доктор совсем других наук. В университете на Ленинских горах, на биологическом факультете у него лаборатория, в коридоре которой басовито гудит прямоугольный металлический ящик, запертый на замок, — холодильник с вирусами. Оранжевые цифирки показывают невозможную для человека температуру: минус 69...

Попивая кофе из чайной чашки, доктор наук Аграновский объясняет мне, что вирус подобен компакт-кассете с информацией, которая оживает только тогда, когда попадает в клетку. Он говорит о памяти межклеточных белковых мембран, о которой большинство из нас не слышали. Но научного высокомерия в Докторе нет, и когда я во время наших бесед прямо спрашиваю его, что же все-таки является хранилищем памяти в человеке, он отвечает: «Душа». Как ученый он признает вещи, науке неподвластные: «Нельзя показать лаггеротип Господа Бога».

Он ученый с уклоном в лирику. «У нематоды нет души, — говорит он. — Вот этот маленький мальчик, который у бабушки с дедушкой, засыпая, разглядывал узоры на стене и видел в них фигуры пауков и колдунов, это не нематода, хотя G, A, D и C — гуанозин, аденозин, тимидин и цитозин — там и там одинаковы. Принцип кодирования одинаков. Но это все сфера нашего обслуживания, а вот откуда берется душа...». Он не знает. Это вопрос.

Если подходить к делу серьезно, то вопросов всегда больше, чем ответов. Это касается как всего человечества, так и отдельного человека по имени Алексей Аграновский, который родился в Москве, стал ученым и неизвестно отчего в свободное от исследований вирусов время перевоплощается в негра и поет блюзы.

Фамилия его деда по матери Каманин. Этот деревенский житель Каманин, во время войны побывавший в немецком плену и внесенный

там в списки на расстрел, был замысловатым рассказчиком, умевшим создавать трехчасовые саги, послушать которые в дом журналиста Аграновского приходили известные люди (например, Галич). Фамилия у деда была говорящая — каманин на брянском диалекте означает «сладко говорить».

О великих блюзменах Доктор Аграновский готов каманин часами. Это героические и юмористические истории о сумасшедшем негре с лошадиным лицом по имени Скриминг Джей Хокинс, который однажды в номере роскошного отеля поставил динамитную растяжку, потому что боялся покушения на себя, это истории о человеке по имени Луизиана Ред, у которого мать умерла при родах, отца убили кукурузоклановцы, а сам он вырос в приюте и играл на улицах. С Луизиана Редом Доктор, кстати, встречался на блюзовом фестивале «Эфес Пилзнер» в Москве. «Сидит такой деда в ушанке китайского производства, купленной на Арбате. Это Луизиана Ред! — говорит он таким тоном, каким мог бы сказать: «Это Господь Бог!», и объясняет: — Как для чекиста пострелять из маузера Держинского, так для меня — посмотреть на него. Я не знаю, как осмелиться, но я завел с ним разговор». Для лучшего протекания разговора Доктор предложил блюзмену выпить коньячку, но Луизиана не смог — его жена Дайана сказала, что ему пить нельзя. «Я говорю тогда: «Мистер Ред, есть некоторые вещи, и нам кажется, что мы без них не обойдемся. Потом они уходят из нашей жизни, и оказывается, что они нам на фиг не нужны... Я курил всю жизнь «Беломор», русские сол-

датские сигареты, а потом заболел воспалением легких и бросил». И мудрый Луизиана Ред сказал Аграновскому в ответ: «Вот так и есть, сынок, мы отказываемся запросто от своих пристрастий, привычек дурацких и так далее. Все это не нужно нам абсолютно...».

Что касается другого блюзмена, Чемпиона Джека Дюпри, то и о нем Доктор Аграновский самого высокого мнения. «Он играл на пианино в публичных домах. Серьезный человек», — говорит он о Дюпри без всякой иронии.

Я прошу Доктора объяснить мне, что такое значит для него быть блюзменом. «Блюзовый человек — это черный человек», — говорит он, вскакивает и показывает, как ходят эти роскошные люди. Блюзмены — это такие парни, они ходят с вызовом, расклевывая плечами, держа руки в карманах широких брюк, и рукава их белых пиджаков так длинны, что закрывают пальцы. А на голове у блюзмена конечно же шляпа, и, садясь за пианино, он никогда и не подумает ее снять! (Говорит Аграновский с восторгом, все гуляя раскочи-

вающейся походкой по своему университетскому кабинету.)

«Да, понятно, но к вам какое отношение имеет эта черная аура?» — «Не знаю. Это загадка. Дело даже не в том, что я еврей». — «Какая разница тут, еврей вы или итальянец? Их удаленность от черной ауры равно велика». Это мое заявление вызывает у него приступ смеха. «Еврей не так удален от негра все-таки! — отвечает он, заливаясь смехом над глупостью, которую я сморозил. — Их родители были рабами — и наши родители были людьми несвободными. Они выросли в условиях давления и сегрегации, мы тоже прошли через дедовщину. С детства тебя все время пробуют на зуб — хулиганы в школе, учителя, все вокруг. Опыт-то похожий. Не верь, не бойся, не проси — это очень блюзовая формула. Черный человек, чего ему бояться? Он с юмором относится ко всем несчастьям».

Аграновский начал выступать с блюзами в московских клубах шесть лет назад, в возрасте 44 лет, — и знал, что своим поступком нарушает неписанные

табу академической среды. Серьезный ученый не мелькает на экране ТВ, не суетится и не участвует в сомнительных затеях. Но отказаться от вечерних концертов в клубах он не мог. «Это ж сладкий яд», — объясняет он. «А в чем сладость?» — «Красивые женщины. Ночная жизнь. Адреналин в крови от того, что ты поешь то, что в тебя запало со времен «Роллингов» и Рэя Чарльза. От этого невозможно отказаться совершенно».

Московская клубная музыка — это целый мир со своими правилами игры и законами поведения. «Человек, который занимается наукой, находится в капсуле. В университет приходишь — и ты среди своих текстов, друзей и пробирок. У музыкантов все по-другому — свой жаргон, свои условия выживания и свои байки. Одна из них такая: «Клубные менеджеры далеко не все являются идиотами и сволочами. Среди них встречаются и настоящие подонки», — говорит он и снова заливается детским, непосредственным смехом.

«Иногда были ситуации, что взяли и не заплатили деньги. Я на следующий день еду и